

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ
ВАЛАНДРА

СМЕРТЬ ДОМОХОЗЯЙКИ

САМЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Валандра

Наталья Никольская
Смерть домохозяйки

«Научная книга»

Никольская Н.

Смерть домохозяйки / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Валандра)

Когда звук открываемой бутылки шампанского сливается со звуком
пистолетного выстрела, можете быть уверены — перед вами крутой детектив.
Валентина Вершинина — для друзей просто Валандра — снова начинает
опасное расследование.

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Никольская

Смерть домохозяйки

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* * *

– Черт бы побрал эту тюль! – сказал в сердцах Антонов-младший, держа обеими руками бинокль и напряженно глядя в окно дома напротив.

– Главное, ты ее видишь? – Толкушкин дожевывал хот-дог.

– Смутно, Валера, смутно, – задумчиво повторил Николай. – Как ты можешь здесь есть – пылица несусветная!

Толкушкин с Антоновым, поднявшись на четвертый этаж недостроенного дома, вели наблюдение за гостиничным номером, располагавшимся на третьем этаже. Послеполуденное апрельское солнце уже начинало припекать.

Но даже идеально чистое высокое небо не могло настроить Антонова-младшего на оптимистический лад – ему стоило неимоверного труда и терпения переносить клубящуюся в воздухе пыль, которая оседала на свежевывмытых волосах, превращая их в тусклую паклю, и противно скрипела на зубах.

В отличие от щепетильного Антонова, Толкушкин был неисправимым пофигистом, вернее, Валеру жизнь заставила им быть. В свои двадцать пять лет он уже познал горечь социально-морального отщепенства. Его литературные труды, которыми он по юности – по глупости бомбардировал местные издательства, не нашли должного отклика у подверженных конъюнктурной ветрянке редакторов.

Если бы он не удосужился выработать определенных навыков безучастной самодостаточности и трезвой самоиронии, кто знает, не постигла ли бы его участь юного Вертера от литературы и смог ли бы он сейчас, с философским спокойствием игнорируя замечание Антонова, хладнокровно насыщаться в условиях пылящей новостройки?

– Ты хоть видишь, что они там делают? – любопытствовал он, поднося к сухим губам пластиковую бутылку «Фанты».

– Кажется, шампанское открывают... – неуверенно произнес Антонов, – дай глотнуть.

Он принял у Толкушкина бутылку и жадно припал к горлышку.

– А марку шампанского ты случайно не разглядел? – шутиливо поддел своего напарника Валера.

– Я предположил, что это шампанское, что еще могут потреблять двое, когда речь зашла о страхе?

– Фи, Антонов, – с наигранной манерностью фыркнул Толкушкин, – никакого «воспитания чувств»! – с комичным жеманством добавил он, пытаясь блеснуть реминисценцией, касающейся названия одного из романов Флобера. Но Антонов не был «испорчен» литературой и не оценил Валериной находки.

– Ну вот, пошли поцелуи, объятия, тюшки-тютюшки... скучища... – Антонов зевнул.

– А ты че зеваешь, уж не тем ли самым всю ночь пробавлялся? – опять захихикал Валера. – А у людей, может, для этого только пара часов имеется.

– Конечно, когда у бабы муж имеется, любовнику приходится уделять...

– ... такие вот сладкие послеполуденные часы. – Поэтично закончил за напарника фразу Толкушкин.

– Валандре хоть отзвонись. Я-то делом занят, а ты, не знаю, для чего небо коптишь... давай, давай, ты же у нее любимчик... – попытался съязвить Антонов.

Толкушкин достал из кармана сотовый и молча набрал номер начальника службы безопасности фирмы «Кайзер».

– Вершинина слушает, – бодро ответил приятный женский голос.

– Валентина Андреевна, докладывает Толкушкин. Объект на месте с двух часов пополудни и вот-вот займется грязным сексом со своим партнером противоположного пола, – пошутил Валера.

– Валера, я, конечно, ценю твой юмор и литературный талант, – невозмутимо отозвалась Вершинина, – но не мог бы ты обойтись без фамильярности. Не забывай, мы выполняем серьезный заказ, не менее важный, чем раскрытие убийства. Клиент сполна оплачивает наши услуги, так что проникнись должным уважением к нему и его супруге и выражайся поприличнее.

– Валандра сегодня, похоже, не в духе, – бросил Антонову приведенный в легкое замешательство отповедью начальницы Толкушкин.

Антонов усмехнулся и пожал плечами, а потом снова уткнулся в бинокль.

– Извините, Валентина Андреевна, просто солнце нам тут головы напекло... Какие будут дальнейшие распоряжения?

– Продолжайте наблюдение...

– Черт, – выругался Антонов, – она упала... пока я тебя слушал...

– Валера, – раздалось в трубке, – ты куда пропал?

Толкушкин непонимающе смотрел на Антонова.

– Что упало?

– Козлова, – Коля продолжал держать под прицелом бинокля окно на третьем этаже.

– Валера! – требовательно повысила голос Валандра.

– Валентина Андреевна, – пришел, наконец, в себя Толкушкин, – у нас небольшая заминка, через несколько минут перезвоню вам.

– О`кей, – в трубке раздалась гудки.

– Может, ее этот счастливчик повалил? – легкомысленно предположил Толкушкин.

– Хватит болтать, похоже, ее укололи! – пробормотал Антонов.

* * *

Вершинина повесила трубку и откинулась на спинку кресла. Взгляд ее произвольно упал на висевшую на стене картину. Это был, как не уставал ее заверять мужской коллектив фирмы «Кайзер», портрет любимого ею французского моралиста графа де Ларошфуко.

Выполненный в кубистской манере, портрет оставлял широкое поле для толкований и различного рода визуальных забав, которые, тем не менее, все протекали в одном русле, а именно – отыскания сходства между изображенной на полотне личностью и самим Франсуа де Ларошфуко, внешность которого стойко запечатлелась на вершининской сетчатке благодаря наличию в разнообразных изданиях его бессмертных афоризмов портретов этого величайшего мастера лаконичной прозы.

Картина была подарена Вершининой на Восьмое марта и с тех пор не давала ей покоя.

«Где они выкопали этого художника?» – недоумевала она.

В этот момент зазвонил внутренний телефон.

– Слушаю, – Вершинина сняла трубку.

– Валентина, зайди ко мне на пару минут, – вялый голос Мещерякова говорил о том, что week-end он провел в обычном режиме буйного и обильного возлияния.

– Иду, – она положила трубку и подошла к зеркалу.

Быстрым, умелым жестом поправив прическу и подкрасив губы, вышла из кабинета.

Со своим нынешним начальником – Михаилом Мещеряковым – Вершинина служила когда-то в органах. Сидели они на разных этажах и работали в разных отделах: он – в оперативном, она – в аналитическом, но частенько сталкивались по долгу службы.

Когда Вершинину в чине майора «ушли», ее пригласил к себе Мещеряков и поручил возглавить службу безопасности фирмы «Кайзер», занимавшуюся изготовлением и установкой стальных дверей.

Мещеряков ждал ее, развалившись в кожаном кресле, которое, только одному Богу известно как, выдерживало многочисленные килограммы его рыхлого, грузного тела.

– Что у тебя с Козловым? – деловито спросил он, почесывая тройной подбородок.

Вершинина полупрезрительно-полусочувственно посмотрела на его помятое, одутловатое лицо.

– Не смотри ты на меня так, – отмахнулся он, – сама все понимаешь.

– Понимаю, – протянула она, усаживаясь напротив него, – если ты себя, Миша, не жалеешь, то и я не буду.

– Эх, Валюха, что делать, если тебе уже полтинник, а душа как прежде молода! – неожиданно весело воскликнул Михаил Анатольевич.

– Я, конечно, Миша, уважаю твой задор и удаль твою молодецкую, но Тамаре Петровне-то каково? – упомянула Вершинина о жене Мещерякова.

– Да Томе не в первой, – усмехнулся Михаил Анатольевич, – ну так что у тебя со слезкой?

– Ребята наблюдают, только что звонили. Жена твоего друга и соратника регулярно и успешно изменяет ему, встречаясь со своим воздыхателем в разных номерах гостиницы «Русское поле». Происходит это обычно с часу до трех, до четырех. Если клиент желает, можно снять на пленку. Только нужно ли ему это? – пожала плечами Вершинина.

– Да, нечем мне Диму порадовать... – с сожалением сказал Мещеряков.

– Понятно, что нечем. Но, с другой стороны, если он обратился к нам с просьбой последить за его женой, значит, в чем-то подозревал ее. Мы всего лишь подтвердим его подозрения.

– Легко тебе говорить, – с некоторой укоризной отозвался Михаил Анатольевич на замечание Вершининой.

– Мне ведь и самой случалось быть на его месте... – намекнула Валандра на свою не слишком удачную семейную жизнь.

С мужем Вершинина рассталась, когда ее сыну – Максиму было пять лет. Разошлись без скандалов и сцен, по обоюдному согласию. Вскоре Олег – так звали бывшего мужа Валандры, снова женился.

Его новая жена Марина была воплощением рачительной, бережливой хозяйки и заботливой жены. Наверное, к такому типу женщины сознательно и бессознательно стремился Олег.

Сойдясь с мягкой, покладистой Мариной, он как бы опроверг физический закон, согласно которого одинаково заряженные частицы отталкиваются.

Будучи безынициативным и добродушно-вялым, Олег, по идее, должен был бы дополнять волевою, энергичною Валандру. До определенного времени дело обстояло именно так. Но с годами Олегу надоело идти на уступки и повиноваться. Валентине же наскучило и на работе, и дома быть на первых ролях.

Ей хотелось равенства во всем, хотелось романтики и новизны, живого отклика, настоящего мужского внимания и ласки.

– Не прикидывайся, Валя, – хитро заулыбался Мещеряков, – ты ведь сама была инициатором развода.

– Но Олег мне все-таки изменил первым, – спокойно сказала она.

– Ну и слава Богу, а то бы жила сейчас, мучилась. Вот только пора тебе, Валюша, нового кавалера завести. Знаю я твоих ухажеров-мотыльков, однодневок этих. Я говорю о чем-то

серьезном, так, чтоб на всю жизнь, – торжественно и назидательно произнес Михаил Анатольевич.

«Ну вот, опять сел на своего конька!» – поморщилась Валандра. Мещеряков, действительно, по-отечески занудно интересовался ее личной жизнью, давая наставительные советы и рекомендации. Пару раз он даже порывался выступить в роли свахи, предлагая Вершинину свести ее с некоторыми из своих солидных друзей и знакомых.

– Я пока Диме ничего говорить не буду, просто скажу, чтоб денька через два к нам заглянул. Ты, Валя, приготовь отчет. А теперь давай-ка с филиалом «Провинциалбанка» на Первоходной разберемся.

– Да что разбираться? Алискер должен с минуту на минуту подъехать, привезти договоры. Все в норме, Миша.

– А с «Богатырем» и «Марусей» что? – водянисто-бесцветные глазки Мещерякова устались на Вершинину.

– Там будем делать сигнализацию и двери в помещении кассы. Предварительная договоренность уже есть, Алискер готовит договоры.

– Как там твой стажер? – Мещеряков поднял щелочки глаз на Вершинину.

– Я думаю, будем брать его в штат. Парень толковый, с работой справляется.

– Так у него фамилия от «толк», что ли? – поинтересовался Михаил Анатольевич, – я-то думал, от «толкать».

– Я в происхождение его фамилии не вникала, – отмахнулась Вершинина, – знаю, что толк из него выйдет.

– Ладно, я не возражаю, можешь готовить документы, – согласился Мещеряков. – Кстати, ты еще не обедала? Может, составишь мне компанию?

– Я бы с удовольствием, Миша, но дел по горло.

На самом деле Вершинина собиралась посидеть в тиши кабинета и заняться новым детективным романом. Нет, она их не читала, она их писала. Сюжетами ей служили дела, которые ей вместе с «командой» приходилось порой распутывать. Таким образом она сочетала теорию с практикой. С приходом Толкушкина у нее появился критик, советчик и почитатель в одном лице.

* * *

«С чего начинаются детективные романы? С интригующей, таинственной завязки, с рокового стечения обстоятельств, с загадочного совпадения места, времени и действия. Этого требуют условности жанра. Но как быть автору, обязавшемуся повествовать в детективах только о тех расследованиях, в которых он сам принял непосредственное участие, когда писать хочется, а сюжета пока нет? Что если ему немного потеснить жанровые рамки и рискнуть начать со „слишком человеческого“, как выразился Ницше.

Итак, я приступаю к повествованию вышеуказанным диковинным образом и спешу представиться: меня зовут Вершинина Валентина Андреевна, мне тридцать шесть лет, я возглавляю службу безопасности фирмы «Кайзер», которая занимается изготовлением и установкой стальных дверей и устройством сигнализации.

Если вас распирает любопытство и вы хотите взглянуть на меня, а может даже и познакомиться, милости прошу в мой кабинет. Он располагается на первом этаже небольшого двухэтажного особняка недалеко от центра города.

У меня несколько помощников, составляющих единую, дружную команду, подобранную мной с учетом самых строгих требований к профессиональным и моральным качествам. По ходу дела вы с ними познакомитесь. Все они мастера своего дела: электронщик, мастер фото- и видеосъемки, специалист по замкам, водитель-ас. Все владеют еще, как говорят, смежными

профессиями, умеют драться и стрелять, вести слежку и обольщать, добывать информацию различными способами и умело ей пользоваться.

Взять к примеру моего помощника Алискера Мамедова. Деловой, подтянутый, энергичный, сообразительный, он, вроде Фигаро, успевает повсюду. Официально числится в штате «Кайзера» секретарем-референтом, он исполняет обязанности и детектива, и водителя, и электронщика и в этом смысле является универсалом.

Он не только исполнитель и находчив, но и безупречно вежлив и деликатен при необходимости. Его горячий южный темперамент умиряется хорошим воспитанием. Кроме того, ему свойственна прохладная отстраненность и спокойная рассудительность восточного советника. За парадоксальное сочетание этих качеств товарищи прозвали его «Визирем».

Алискер не курит, выпивает только по праздникам или по необходимости. Его экспансивное обаяние и галантное обхождение безотказно действуют на женщин. Не последнюю роль в этом играет безупречный покрой его костюмов, которые он заказывает у лучшего портного».

Стук в дверь оторвал Вершину от рукописи.

– Войдите.

На пороге появился Мамедов в светло-сером костюме, голубой сорочке и пижонском бордово-красном галстуке. На его матово-смуглом лице сияла белозубая улыбка.

– Погодка классная! Может, поднять жалюзи? – весело предложил он и подошел к окну, – а то у вас здесь как в замке Адамсов.

– Это помогает мне сосредоточиться, – Вершинина потянулась к зажигалке в форме дракона, стоявшей на краю стола.

Запалив сигарету, она повернулась к Алискеру, который поднимал жалюзи уже на втором окне.

– Кстати, – Алискер уселся в кресло и положил ногу на ногу, – как поживает ваш кактус?

Зимой Вершинина забрала домой погибавший маленький кактус, стоявший на подоконнике у нее в кабинете.

– Нормально, скоро верну его на место, – она глубоко затаилась и стряхнула пепел в большую хрустальную пепельницу. – Давай попьем чайку. Включи чайник.

Она встала, подошла к холодильнику, достала оттуда кусок сыра, завернутый в целлофан, полкаталки краковской колбасы, свежий огурец, хлеб и выложила все это на столик, где стоял электрический чайник. Когда Алискер сделал бутерброды, вода в чайнике уже вскипела.

– Готово, – сказал Алискер, наливая в чашки кипяток.

Вершинина под села к сервированному столу.

– Я так понимаю, с договорами все в порядке? – спросила она, откусывая добрый кусок бутерброда.

– Само собой, вот только с «Марусей» никак не можем утрясти цену. Заказ у них приличный, но они просят скидку десять процентов. Я предложил им пять, думаю, сойдемся на семи.

– Мецераков интересовался, как у нас идут дела.

– С дверями или с женой его приятеля?

– И с тем, и с другим, – Вершинина ответила уже на ходу, направляясь к затрезвонившему телефону, торопливо дожидаясь бутерброд.

– Вершинина слушает, – сказала она в трубку.

Звонил Антонов. По его взволнованному голосу она поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Валентина Андреевна, жена Козлова убита.

– Как это произошло? – взгляд Валандры встретился с вопросительным взглядом Мамедова.

– Ну, мы наблюдали за ней и ее ухажером из дома напротив гостиницы. Они зашли в номер, откупорили бутылку шампанского... в это время я отвернулся, Валера у меня что-то

спросил. Короче, когда я снова посмотрел в бинокль, она падала на пол. Там не очень хорошо видно, из-за занавесок, но ясно, что не от сердечного приступа. Потом я пригляделся – на оконном стекле дырочка от пули.

– Отверстие, – сухо поправила его Вершинина. – И что же вы сделали?

– Мы с минуту посоветовались, потом решили, что стреляли из нашего же дома, наверное, с глушителем, ведь выстрела мы не слышали, – он перевел дыхание и продолжил: – Мы спустились вниз, зашли за угол и стали ждать – может, кто появится. Но, наверное, стрелявший вышел с другой стороны.

– Вы были в гостинице? – спокойно спросила Вершинина.

– Я оставил Валеру сторожить, а сам – в гостиницу. Смотрю: этот парень, что с Козловой был, спускается потихонечку по лестнице. Подошел к администратору и что-то ей потихоньку сказал. Она сразу за телефон схватилась.

– Короче, Николай, – прервала его Вершинина, – милиция уже там?

– Да, старший лейтенант Силантьев.

– Вы ему сказали, что веля наблюдение за Козловой?

– Нет, конечно, – быстро ответил Антонов, – ждем ваших указаний.

– Давайте в контору, – Вершинина вздохнула и положила трубку. – Что-то у меня аппетит пропал.

– С Козловой что-то случилось? – спросил догадливый Алискер.

– Случилось, это мягко сказано, Алискер, – Вершинина обошла свой стол и опустилась в кресло, – кажется, она убита.

Алискер замер, не донеся чашку с чаем до рта.

– Как это?

– Во всяком случае, кто-то в нее стрелял. Из дома напротив.

– Антонов с Толкушкиным были в этом же доме. Они видели стрелявшего?

– В том-то и дело, что нет. Или он ушел другим ходом, или они слишком долго размышляли.

– Надо срочно сообщить Козлову, – Алискер направился к телефону.

– погоди, – остановила его Вершинина, – это приятель Михаила Анатольевича, сначала я переговорю с ним. А еще лучше,ждемся сперва наших пинкертонов, они должны появиться с минуты на минуту.

– Надо им было осмотреть соседние помещения.

– Зачем? – Вершинина пожала плечами. – Пусть этим занимается милиция.

– У нас могут быть из-за этого неприятности? – спросил Алискер, сделав ударение на слове «могут».

– Не думаю, – Вершинина прикурила от «дракоши», как она ласково называла зажигалку.

* * *

Антонов нажал на педаль акселератора. Сидя на переднем сиденье, Толкушкиным курил и стряхивал пепел в приоткрытое окно бежевой «шестерки».

– Ну и дела! – воскликнул он, качая головой.

– Нас это не касается, – авторитетно заявил Антонов, поднося бутылку с «Фантой» ко рту.

– Надо же, – недоумевал Валера, – начали следить за этой кралей, а ее бах – и нету.

– Что Валандра сказала? – спросил Толкушкин, принимая от Антонова «Фанту».

– Как-будто и не удивилась, все по-деловому. Да ты че, не слышал что ли, как я с ней разговаривал?

– Я тебя все больше слышал, – усмехнулся Толкушкин.

– Ты у нас – новичок, не знаешь ее толком. Она обычно такая равнодушная с виду, ну, заботливая, конечно, а так, иногда прямо можно подумать, что дремлет. Ан нет – точно хищник в засаде. Иной раз над каким-нибудь делом бьемся, изнемогаем, концов, как говорится, с концами связать не можем, и она, вроде, тоже мается, всякими вопросами задается, нас спрашивает, а потом – бах! – и всю подноготную выложит, да все складно, как в сказке.

– Не зря службой безопасности командует! – поддакнул Валера. – Ко всему прочему еще и детективы пишет!

– Уж не знаю, зачем ей это? – пожал плечами Антонов.

– Зачем, зачем, – передразнил его Толкушкин, – эх ты, тундра! – он постучал себя по лбу.

– Ну ты, конечно, у нас шибко умный! – съехидничал Антонов, останавливая машину у перекрестка.

– А что, плохо, что ли, умным быть?! – не унимался Толкушкин. – Или слово «умный» на Руси ругательное нынче? А ты, наверное, от ментов этим заразился, у них что ни умный – так нарушитель порядка!

Валера лукаво посмотрел на Николая, который с явным неудовольствием поглядывал на красное пятно светофора.

– Нет, если бы моя Зоя с каким-нибудь хахалем вот так захотела меня подурочить, я бы живо обоим рога пообломал, не стал бы во всякие фирмы обращаться! – гордо произнес Антонов.

– Ну, это ты у нас такой смелый, а другие люди более деликатны. Жаль бабу, какой бы она ни была, – гуманно заметил Толкушкин, тяжело вздохнув.

* * *

– Можно? – Антонов приоткрыл дверь в кабинет Вершининой.

– Заходи, – кивнула головой Валандра. – Толкушкин с тобой?

– Здесь он, где ж ему быть?

Антонов повесил на вешалку короткую кожаную куртку, под которой была надета зеленая клетчатая рубашка. Толкушкин был в коричневом джемпере, рукава которого он поднял до локтей. Оба сели к столу с чайником.

– Коля, – обратилась Вершинина к Антонову, – к тому, что ты мне сказал по телефону, можешь что-нибудь добавить?

Антонов уже наливал себе чай.

– Вроде бы нет.

– Силантьев видел вас в гостинице?

– Он глазастый, да мы в, общем-то, и не прятались.

– Спрашивал о чем-нибудь?

– Ага, – Антонов уже набил себе рот бутербродом с колбасой, – говорит, чекой-то вы здесь делаете?

– Ну, – поторопила его Вершинина.

– Ну, я говорю, от жены ушел, хочу снять здесь номер, выбираю пока. Он отстал. А потом, когда я вам отзвонился, мы выяснили, что Козлову действительно убили и – сюда.

– Хорошо, вы свободны.

Вершинина набрала номер Мещерякова.

– Михал Анатолич, ты свободен? Мне нужно с тобой поговорить.

Получив утвердительный ответ, она поднялась в кабинет шефа.

– Кажется, у твоего друга проблема, – сказала она, занимая кресло рядом со столом Мещерякова.

– Ты же мне уже говорила, – поморщился он, – я уже думаю, как ему об этом сказать поделкатнее.

– Сейчас не до деликатностей, Миша, – Вершинина взяла со стола пачку «Мальборо», – жену Дмитрия Степановича застрелили в номере гостиницы, когда она была там с любовником. Мои люди видели, как все произошло.

– Ее убил любовник? – Михаил Анатольевич нахмурил свои кустистые брови и тоже взял сигарету.

– Нет, любовник здесь ни при чем. Стреляли из дома напротив. Оружие было с глушителем.

– Это ты откуда знаешь?

– Я же говорю, Антонов и Толкушкин были в одном здании с убийцей в то время, когда он стрелял.

– Они видели его?

– Нет, он ушел или раньше, или другим ходом.

Мещеряков сжал свободной ладонью подбородок, посидел несколько секунд молча, потом снял телефонную трубку.

– Мне Козлова, – властно произнес он. Ментовские привычки не сразу покидают человека.

– Кто его спрашивает? – поинтересовалась секретарша.

– Мещеряков, – заорал он в трубку.

Вершинина лишь усмехнулась.

– Дима, – сказал он, когда Козлов взял трубку, – ты еще ничего не знаешь?

– По поводу Юли?

– Да.

– Жду, когда ты мне что-нибудь скажешь.

– Тогда приезжай, только быстро, не откладывая, – Мещеряков со вздохом опустил трубку на рычаг.

ГЛАВА ВТОРАЯ

* * *

– Миша, мне уйти? – Вершинина привстала с кресла.

– Да сиди уж, – махнул рукой Мещеряков, – какие теперь секреты?

– Думаю, минут через десять-пятнадцать он здесь будет, – Михаил Анатольевич посмотрел на часы. – Ну надо же!

Последнюю реплику он произнес с горькой досадой.

– Я вот думаю, гадаю, кто мог ее убить? – Вершинина подняла на Мещерякова свои большие синие глаза.

– Профессиональный интерес? – раздраженно спросил Михаил Анатольевич.

Вершининой редко доводилось видеть его таким. Обычно он пребывал в состоянии равнодушия и апатии. Вяло реагировал даже на сильные раздражители, которые у других людей могли бы вызвать шквал неконтролируемых эмоций.

Был ли тому причиной его флегматический темперамент или это была особая манера следить за собеседником с целью разгадать его тайные намерения и проникнуть в его сокровенные замыслы, но выдержке Мещерякова Вершинина искренне удивлялась и завидовала. Она во многом даже стремилась подражать ему, иногда не считаясь со своими природными характеристиками как слабого и потому менее эмоционально устойчивого пола.

– Ничего не могу с собой поделать, – Вершинина попробовала улыбнуться.

«Ну, конечно, вчерашний допинг плюс сегодняшняя история с женой друга», – поставила она диагноз шефу.

– Я ведь Димку без малого двадцать лет знаю, да и с Юлей знаком не понаслышке, – глухо проговорил он, – то, что между ними произошло – это их дело. Но вот как теперь ему обо всем этом рассказывать?!

Мещеряков неистово тер подбородок.

– Миша, ты ведешь себя так, словно в том, что случилось, есть наша вина... – Вершинина краем глаза наблюдала за Михаилом Анатольевичем, который, будучи не в силах усидеть на одном месте, стремительно поднялся с кресла (и это при его комплекции!) и зашагал по кабинету. Кресло, оставленное хозяином, жалобно скрипнуло.

– Умом я все понимаю, – сказал Мещеряков более спокойным тоном, – а вот душой... – он постучал рукой по своей мощной груди, – кому же все-таки это было нужно? Димка хоть и имеет большие деньги, но не такие, чтобы из-за них без предупреждения могли убить человека. Нет, что-то здесь не так...

Он продолжал прохаживаться по кабинету из угла в угол, плотно сжав губы и засунув руки в карманы брюк. Пуговица на его серой в полоску сорочке была расстегнута над поясным ремнем. Когда он подошел к окну и остановился, глядя на улицу, в дверь его кабинета постучали, и на пороге появился мужчина лет сорока пяти с приятным открытым лицом.

Среднего роста, коренастый, с правильными чертами лица, зачесанными назад тронутыми сединой волосами и аккуратно подстриженной бородкой, он производил впечатление уверенного в себе, уравновешенного человека.

На нем был стального цвета костюм и такой же галстук. На его губах играла вежливая улыбка.

– Привет, Михаил, – он шагнул навстречу Мещерякову и протянул руку.

Мещеряков ответил крепким рукопожатием.

– Познакомься, Дима, – жестом он указал на Вершинину, – это Валентина Андреевна, начальник нашей службы безопасности.

Козлов подошел и, галантно наклонившись, поцеловал Вершинину руку.

– Дмитрий Степанович, – представился он.

У него был приятный глубокий баритон, вполне соответствующий его облику. Он устроился в предложенном ему Мещеряковым кресле и закинул ногу на ногу.

– Что скажешь, Михаил? – посмотрел он на Мещерякова, который все еще не решался сесть.

Михаил Анатольевич подошел к столу, достал сигарету из пачки, похлопал себя по карманам, ища зажигалку, не нашел, бросил сигарету на стол и, наконец, опустил свой рыхлый зад в кресло.

– Что ты мечтаешь, как неприкаянный, можешь говорить все как есть, – улыбнулся не проявляющий никаких признаков беспокойства Козлов, – если бы я не предполагал, что Юлька мне изменяет, я бы не просил тебя следить за ней.

– Все гораздо хуже, Дима, – одним махом выпалил Мещеряков, – она погибла.

Он наконец нашел зажигалку и закурил, шуря глаза от дыма. Спокойное лицо Козлова покрылось багровыми пятнами, губы заметно дрожали. Он молча вперил свои светло-карие глаза в Мещерякова. Через минуту обретя дар речи, он спросил хриплым голосом:

– Ты сказал, погибла? – он продолжал непонимающе смотреть на Мещерякова, а потом резко перевел взгляд на Вершинину, точно призывая ее опровергнуть эту нелепость. Валандра опустила глаза.

– Погибла, Дима. Я не шучу. Такими вещами не шутят. – устало выговорил он, отводя взгляд в сторону.

– Но твои же люди... – начал было Козлов, но на середине фразы внезапно сник и закрыл лицо руками.

– ...сидели, ты хочешь сказать? Сидели, только что они могли сделать? – с горечью произнес Мещеряков, глядя в окно, где небо начинало пузыриться легкими весенними облаками.

– Как же это случилось? – Козлов жестом показал, что хочет закурить. Казалось, он немного пришел в себя.

Мещеряков, перегнувшись через стол, поднес ему пачку и, когда тот слегка дрожащими пальцами вынул сигарету и зажал ее между губами, щелкнул зажигалкой.

– Может быть, Валентина Андреевна расскажет? – Михаил Анатольевич всем корпусом повернулся к Вершинине.

Валандра неопределенно пожала плечами.

– Это произошло в номере гостиницы «Русское поле», – пояснила она, – Ваша жена была там с...

– Понятно, – нетерпеливо перебил ее Мещеряков, – Дальше, Валя.

– Все произошло очень быстро. Мои люди наблюдали за номером из новостройки напротив. Выстрела они не слышали, хотя и находились в одном здании с убийцей, видимо, оружие было с глушителем. В стекле осталось отверстие от пули. Ваша жена упала, ребята спустились вниз, некоторое время подождали, но из здания никто не появился, наверное, убийца вышел с другой стороны. Вот, собственно, и все, – Вершинина перевела дыхание.

Козлов слушал ее рассказ, тупо уставившись в пол и как-то бессмысленно покачивая головой. Когда Вершинина закончила, он поднял голову и твердо произнес, переводя взгляд с Вершинины на Мещерякова:

– Я хочу, чтобы вы нашли убийцу. Сколько бы это ни стоило. Не имеет никакого значения, что Юля изменяла мне. Я любил ее, этого достаточно.

– Этим делом будет заниматься милиция и прокуратура, – нахмутив брови, произнес Мещеряков.

– Миша, – горько ухмыльнулся Козлов, – ты же сам работал в органах.

– Ну что, Валентина Андреевна, – Мещеряков вперил в нее свои водянистые глаза, – как ты на это смотришь?

– Нам с Дмитрием Степановичем лучше спуститься ко мне, – спокойно ответила Вершина и посмотрела на Козлова, – пойдете?

– Я к вашим услугам, – с готовностью отозвался Козлов.

* * *

«Ну вот и нашелся сюжет. Так уж устроена жизнь: единственное в своем роде событие для одних людей становится трагедией, другим (сыщикам и детективам) предоставляет возможность проявить свои сыскные и дедуктивные способности, третьим (журналистам и писателям) обеспечивает сюжет.

Кто знает, может быть, как раз в этом жестоком, на первый взгляд, абсурде и кроется та дьявольски необоримая сила, которая заставляет нас существовать несмотря ни на что и даже наслаждаться жизнью?

Не могу удержаться и не процитировать афоризм Монтеня, которым увлекаюсь все больше и больше: «Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что мы сами превратили ее».

* * *

– Присаживайтесь, – я заняла свое место за столом и указала Козлову на кресло.

– Спасибо, – поблагодарил он, опускаясь на жесткое кожаное сиденье.

– Нам с вами, Дмитрий Степанович, предстоит, может быть, нелегкий для вас разговор. Заранее прошу вас говорить откровенно, ничего не скрывая, и прошу прощения, если в процессе нашей с вами беседы мне придется затронуть щекотливую или неприятную для вас тему. Договорились?

– Само собой, – отозвался Козлов.

– Прошу, – я протянула ему пачку сигарет, предварительно взяв одну себе. – Зажигалка перед вами.

Козлов взял «дракошу», дал прикурить мне от его полыхнувшей желтым огнем пасти и прикурил сам.

– Спасибо, – снова поблагодарил он меня, – оригинальная у вас зажигалка.

Он вертел в руках и с искренним интересом рассматривал моего дракона. «Ну если в такой тяжелой ситуации человек проявляет столько любознательности к мелочам, значит, для него не все потеряно!» – усмехнулась я про себя. Интерес Козлова к моей «оригинальной» зажигалке почему-то не раздражал меня, а забавлял и, скажу больше, был мне глубоко симпатичен.

Я отдавала себе отчет в том, насколько прихотливо устроена психика человека и как неоднозначны, а зачастую и неадекватны его реакции.

– Как вы уже знаете, – продолжила я, – я работаю с командой помощников. Поэтому, если вы не против, я приглашу одного из них. Это мой секретарь-референт Алискер Мамедов. Мне не хотелось бы терять время на пересказ того, о чем мы с вами будем говорить.

– Пожалуйста, – любезно согласился Козлов.

– Алискер, зайди ко мне. – сказала я, набрав по внутреннему телефону номер дежурки.

Через минуту в кабинет вошел Мамедов. Он утирал пот со лба.

- Познакомься, Алискер, это наш новый клиент, Козлов Дмитрий Степанович. Мамедов приблизился к привставшему с кресла Козлову и пожал ему руку.
- Очень рад, – произнес Алискер.
- У тебя вид, точно ты на берегу Мертвого моря загорал, – обратилась я к Алискеру, имея в виду испарину, выступившую на его лбу.
- Да Болдырев опять в дежурке Сахару устроил, – Мамедов устроился в кресле у стены.
- Понятно. Ну что ж, начнем? – я посмотрела на Козлова.
- Он безмолвно кивнул.
- Дмитрий Степанович, мне важна сейчас любая информация о вашей жене. Ваши с ней отношения, родственники, друзья, знакомые, сослуживцы и все прочее. Вы меня понимаете?
- Конечно. Только Юля четыре года, как не работала.
- Хорошо. Тогда начнем с вашей семейной жизни. Когда вы поженились?
- Семнадцать лет назад.
- А когда вы начали подозревать, что ваша жена вам изменяет?
- Да Юлька, простите, Юля всегда была не прочь пофлиртовать. Она ведь на десять лет моложе меня, привлекательная, жизнерадостная, задорная была, – при слове «была» голос его предательски дрогнул, но Козлов моментально овладел собой, – в общем, «душа любой компании».
- Я, Дмитрий Степанович, говорю сейчас не про флирт, а про конкретные случаи измены.
- Года три назад была у нее интрижка с одним дизайнером, но, как она потом сама мне сказала, он ее бросил.
- И вы спокойно смотрели на это?
- Козлов заерзал.
- Я сам разоблачил ее. Она, видите ли, совсем не умела врать, а если и делала это, то, как мне кажется, с огромным нежеланием и напрягом.
- Это был не единственный случай? – я непроизвольно понизила голос.
- Не единственный, – меланхолично проговорил Козлов. Видимо на него нахлынули воспоминания.
- Расскажите об этом.
- Козлов поднял на меня отсутствующий, подернутый влажной дымкой взгляд и зашевелил губами. Пепел с сигареты упал на стол.
- Ой, простите.
- Ничего, продолжайте.
- Года полтора назад у нее было еще одно увлечение, на этот раз – художником, а по моему мнению, самым настоящим проходимцем и авантюристом. Он ей в сыновья годился. Может, все это потому, что у нас детей не было? – Козлов пожал плечами и вопросительно посмотрел на меня, точно ожидая подтверждения своей догадке.
- И долго тянулось «увлечение»?
- Прилично. Месяцев десять, не знаю точно. – Он потушил в пепельнице сигарету. – Она его деньгами снабжала, врала мне что-то о том, что ей нужно купить наряды, бриллианты. Я никогда не проверял, действительно ли она их покупала, пустил все на самотек. Только однажды спросил. Она ответила мне что-то невразумительное.
- Как же вы узнали об этой ее измене? – любопытствовала я.
- Пришел как-то раз домой раньше срока. Юля разговаривала по телефону в самой дальней комнате, не слышала, как я вошел. Так была увлечена разговором! Ну, я и решил ее разыграть, подкрасться. К нам должны были вечером гости прийти – у нее день рождения был. Я ей кольцо купил, хотел порадовать. Дай, думаю, сзади подойду и сам его ей на шею одену. Подкрадываюсь на цыпочках и что же я слышу?! – Козлов с трудом перевел дыхание. Видно, собственный рассказ взволновал его.

– Она разговаривала по телефону как раз с этим проходимцем. Судя по ее ответам, он требовал денег. А она, которую я знал такой смелой и боевой, ну прямо огонь, мямлила что-то. Какой-то жалкой стала, голос дрожит, вот-вот заревет. Я аж обомлел, никогда ее такой не видел! Потом тот, видать, трубку швырнул, и она – в слезы. Я у двери стоял, но в комнату не вошел. Сделал вид, что ничего не слышал. День рождения прошел хорошо, весело было... – Козлов потупил глаза.

– Но потом вы все-таки ей сказали?

– Сказал. Она – мне в ноги, каяться, просить прощение. Говорит, что сама его бросила. Ведь сказал-то я ей о том, что мне все известно, месяц спустя. Я проверил – она действительно с ним перестала встречаться. Она ему деньги давала, а он их со своими друзьями да подружками тратил. Он ведь несколько раз звонил. Я сам к телефону подходил. Говорю: чтоб я тебя, мразь, больше никогда не слышал и не видел! А если ты мне еще раз на дороге попадешься, башку сверну! – Козлов нервно кашлянул.

– Можно воды? – спросил он.

– Алискер, там сок в холодильнике, достань, пожалуйста, – обратилась я к Мамедову.

– Тут два пакета, – Алискер нырнул головой в холодильник, – яблочный или ананасовый? Я вопросительно посмотрела на Козлова.

– Яблочный.

– Пожалуйста, – Алискер поставил перед Козловым высокий стакан с соком, – а вам, Валентина Андреевна?

– А мне, Алискер, лучше кофейку сделай. Может, и Дмитрий Степанович ко мне присоединится? – я улыбнулась Козлову.

– Он потом, как она мне рассказывала, ее донимал, по телефону звонил, когда я был на работе, – продолжал Козлов, мелкими глотками прихлебывая сок, – а один раз домой к нам приперся. Я в то время в командировке был. Она его вытолкала вшаей...

– Понятно, – протянула я, – как его зовут?

– Чернышов Александр.

– Вы знаете его адрес?

– Да. Поинтересовался на всякий случай. Революционная, шесть, квартира четыре.

Я посмотрела на Алискера, впрочем, могла бы этого не делать, он аккуратно все стенографировал.

– Это был ее последний любовник? – спросила было я, но сразу же поняла, что ошиблась, последним был тот, в гостиничном номере, – я хотела сказать, предпоследний?

– Да, после него у нас с Юлей все вроде бы снова наладилось. А потом появился этот...

– Вы его знаете?

– Нет, просто я почувствовал, что у Юли новое увлечение. Я всегда это чувствовал. Не знаю, как это объяснить, просто она становилась немного другой, не такой, как обычно. Может быть, более резкой, что ли...

– Дмитрий Степанович, – я посмотрела на него с прохладцей, – если вы, как говорите, все знали, зачем вы затеяли слежку за вашей женой?

Козлов провел ладонью по голове назад, приглаживая редкие волосы.

– Я, наверное, не смогу вам точно этого объяснить, – пожал он плечами, – захотелось посмотреть на своего соперника, хотя я и знал, что Юля не бросит меня, не знаю, понятно ли я говорю?

– Вполне. Вы кого-нибудь подозреваете в ее убийстве?

– У нее не было врагов, – немного помолчав, ответил он, потом добавил: – во всяком случае, таких, о которых бы я знал.

– А друзья, друзей у нее было много?

– Знакомых было много. Она постоянно ходила на разные концерты, выставки. Иногда мне удавалось выкроить время, чтобы присоединиться к ней. Но если вы имеете в виду друзей настоящих... – Козлов выпятил губы, – пожалуй, таких не было.

– Значит, ваша жена нигде не работала в последнее время?

– Да, ей надоела ее работа, она посоветовалась со мной, и мы решили, что ей совершенно необязательно работать. Я вполне могу обеспечивать семью.

– А где работала Юля?

– В налоговой инспекции.

– Как вы думаете, не могли ее убить за какие-то дела, связанные с ее работой?

Козлов отрицательно покачал головой.

– За четыре года столько воды утекло. Даже когда она работала, у нее никаких неприятностей не было.

Я не стала отвлекать Алискера, занятого записями нашей беседы, и сама встала, чтобы включить чайник.

– У вас родственники есть? – спросила я, присев в кресло рядом со столиком, на котором стоял чайник.

– Мои родители уже умерли, а Юлины живут в деревне под Вязьмой, – он глубоко вздохнул. – Для них это будет ударом.

Рычажок чайника шелкнул, лампочка на ручке погасла. Я положила по ложке кофе в каждую из трех чашек, залила кипятком и предложила Козлову, который поблагодарил меня и подсел к столику. Алискер забрал свою чашку на свой стол.

– Может быть, вы все-таки назовете имена подруг или друзей, с которыми Юля виделась чаще чем с другими? – я сделала глоток кофе.

– Ольга Минькова и Александра Бондаренко – в последнее время она сблизилась с ними. Их адресов у меня с собой нет, но я вам перезвоню, как только вернусь домой, – он сделал маленький глоток и поставил чашку на стол.

Я встала и подошла к Мамедову.

– У тебя нет вопросов к Дмитрию Семеновичу?

Он поднял голову от своих записей.

– Дмитрий Семенович, скажите, где вы работаете?

– Я консультант в коммерческом банке, – ответил он.

– Убийство вашей жены никак не может быть связано с вашей работой?

– Вы имеете в виду, что ее могли убить, чтобы я стал, как говорится, сговорчивее? Извините за невольный каламбур.

– Вот именно. От вас может зависеть стратегическая политика банка, какие-нибудь перспективные проекты?

– В какой-то мере, да, – согласился Козлов, – но, как я понимаю, если бы кто-то пытался изменить мое мнение, сначала бы меня поставили об этом в известность.

– Ничего такого не было? – продолжил Алискер.

– Абсолютно ничего.

– Тогда у меня все, – произнес Мамедов и посмотрел на меня.

Оставив недопитую чашку, я внимательно следила за ходом беседы. Потом обратилась к Козлову:

– Вы говорили, что чувствовали изменения в поведении вашей жены.

Он согласно кивнул.

– В последнее время вы не замечали ничего необычного, кроме того, что у нее появился любовник?

Он не успел ответить, так как раздалось пикиканье сотового телефона. Явно не мой, и на Алискеровский не похож. Ага, это у нашего гостя. Он достал из бокового кармана пиджака трубку, вытянул антенну и, извинившись, ответил:

– Я слушаю.

По лаконичным ответам Козлова я догадалась, что его беспокоит милиция. Наверное, нашли номер его телефона в записной книжке жены. Или еще как-нибудь. Что ни говори, а милицейская махина, хоть и со скрипом, да двигается. Инерция у нее большая.

Закончив разговор, Козлов закрыл крышку микрофона и поднял глаза.

– Милиция, мне нужно ехать.

– Конечно, Дмитрий Степанович, не смею вас задерживать. Не забудьте позвонить нам и сообщить адреса подруг вашей жены и оставьте, пожалуйста, ваши координаты, – я поднялась вслед за ним.

– Мой адрес и номера телефонов у Михаила, звоните в любое время. Я, как вы понимаете, очень заинтересован в этом деле и всегда к вашим услугам. До свидания.

– Всего хорошего, Дмитрий Степанович, – я улыбнулась ему на прощанье.

* * *

В дежурке царила столь дорогая Болдыревскому сердцу жара, которую находчивые и острые на язык вершининцы иронично окрестили «Болдыревской осенью».

Центральное отопление уже не работало, зато вовсю наяривал электрообогреватель. Если к этому добавить еще пыхтение самовара, то становится понятным, почему притулившиеся у журнального столика Толкушкин и Антонов-младший то и дело утирали пот со лба.

– Да выключи ты, наконец, своего монстра! – взмолился Николай, обращаясь к сидящему как ни в чем не бывало Болдыреву.

– Ой, ты, жаркий какой! – усмехнулся Сергей, неспешно попивая чаек.

– Слушай, Сережа, ты тут все-таки не один, – попытался усовестить довольного «климатическими режимом» в дежурке Болдырева Толкушкин.

– Ребята, вы сейчас здесь, а через минуту вас – фьюить – и нету, а мне тут целый день у пульта сидеть.

– Спешу огорчить тебя, ревматик проклятый, – с усмешкой обратился к нему Валера, – мы, похоже, надолго составим тебе компанию, хочешь ты этого или нет. Так что давай, туши свою печку, апрель на дворе, а ты все мерзнешь!

– А ты что это, сынок, развыступался?! – с шутливым гонором произнес Сергей. – Не мешай работать, вы меня то и дело отвлекаете, не ровен час – пропущу сигнал. Лучше расскажите, чем занимались сегодня?

– Все тем же, – пробурчал Антонов, – слежкой.

– Так вы же день и ночь пропадали, а теперь баклуши бьете...

– Тебе что, Алискер ничего не говорил? – Толкушкин расстегнул на рубашке две пуговицы.

– Визирь у нас нынче важный стал, с нами особо не разговаривает.

– Он сейчас в кабинете у Валандры. Приятель Мещерякова тоже там. Мне Визирь шепнул на ухо, что этот рогоносец хочет поручить нам расследование убийства, – Антонов со смаком потянулся.

– Какого убийства? – Часто заморгал ресницами Болдырев.

– Юлю, жену его, пока мы за ней следили, кто-то застрелил, – невозмутимо сказал Толкушкин.

– Ну и ну, – покачал головой Сергей, – а я смотрю, что-то Визирь такой озабоченный!

– Так что ждите супер задания! – иронически подытожил Толкушкин.

Он встал и, пританцовывая, приблизился к радиатору.

– Эй, ты че, ты че?! – забормотал Болдырев.

Но было уже поздно: Валера легким движением руки вырубил заветный электроприбор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

* * *

Оставшись с Алискером, Вершинина вопросительно посмотрела на него.

– Что скажешь, Визирь?

– Странная история. Взять хотя бы самого Дмитрия Степановича. Жена ему изменяет направо-налево, а он со всем этим мирится, пытается всячески наладить отношения. Он сказал, что всегда чувствовал, когда у его Юли кто-то появлялся, тогда спрашивается: зачем он обращался к нам?

– Ты еще молод, Алискер. Я тоже когда-то не могла многого понять, мне казалось, что человеческие отношения должны ничем не отличаться от арифметических таблиц и логических выкладок, – Вершинина вздохнула.

– Вы считаете поведение Козлова адекватным?

– Мы не психологи и не философы, чтобы давать кому-либо моральные оценки, – сухо произнесла Валандра.

– Но вы ведь сами мне говорили, что любое расследование всегда сопряжено с расшифровкой человеческих намерений, а знание психологии играет в этом не последнюю роль, – с некоторой обидой в голосе произнес Мамедов.

– Да, Алискер, характер, эмоциональный склад, темперамент, обстоятельства личной жизни, детские комплексы и впечатления а ля Зигмунд Фрейд – все это важно, но самое главное – определить мотив преступления. А для этого...

– ... необходим хотя бы предварительный анализ ситуации, – закончил Алискер вершининскую фразу.

– Правильно. Так что давай пораскинем мозгами и определим план действий на текущий и будущий моменты, – Валандра достала из пачки сигарету, Алискер предупредительно поднес ей «дракошу».

– Нам еще должен позвонить Козлов – адресов-то Юлиных подруг мы не знаем, – напомнил Мамедов.

– Перво-наперво нужно найти место, откуда стрелял убийца. Если работал непрофессионал, мог оставить следы. Во-вторых, Юлина работа. Четыре года, как она сидит дома, причем, заметь, не муж настоял на том, чтобы она бросила работу, а она сама пожаловалась ему на то, что, мол, работа надоела.

– Не знаю, действительно ли он такой благородный, какое производит впечатление, или просто тряпка!

– Опять ты за свое, Визирь? – Вершинина с досадой взглянула на своего помощника. – Итак, судя по тому, что работа Юле надоела, она ей не горела и трудовых рекордов не ставила. Я не отрицаю, что, возможно, она честно и добросовестно выполняла свои обязанности.

– А нам-то это для чего знать? – Алискер недоумевающе посмотрел на начальницу.

– Затем, – усмехнулась Валандра. – Чем занимаются налоговые инспектора?

– Контроль за уплатой налогов и самые разнообразные проверки на местах. Документация.

– Скорее всего, – продолжала Вершинина, – Козлова тихо и мирно трудилась на этой благодатной ниве.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что никаких громких разоблачений она, скорее всего, не произвела.

– А как же ее огненный темперамент? – лукаво улыбнулся Мамедов.

– Видишь ли, Алискер, мы знаем только то, что веселой и жизнерадостной Козлова, по словам ее мужа, была в, так сказать, домашней обстановке – этакая «душа компании», этакая стрекоза! Это совсем не означает, что и на работе она отличалась особой живостью. Работа ей надоела! Некоторые люди по-разному ведут себя дома и на работе. Может быть, именно потому, что Юля так полно реализовывала себя в домашней среде, работу она воспринимала как досадное и скучное бремя.

– Но вполне возможно, что работа ей «надоела» из-за того, что она столкнулась с какой-то конфликтной ситуацией. Вот она и решила все бросить и сидеть дома, – резонно заметил Мамедов.

– Это только лишний раз доказывает, что она не способна выдерживать напряжение, связанное с доведением до конца какого-либо дела или отстаиванием своей правоты. Вспомни, как описывал ее реакцию Козлов, когда застал ее за телефонным разговором с очередным любовником: жалкая, мямлящая, потерянная.

– Что это нам дает? – Алискер внимательно посмотрел на Вершинину.

– То, что я склонна исключить предположение, что Козлова пострадала из-за какой-то, как ты выразился, конфликтной ситуации. К тому же наличие любовных связей на стороне свидетельствует о...

– ... комплексе неполноценности... – не удержался Визирь.

– ... и стремлении взять реванш в любовной сфере. Было бы интересно совершить небольшой экскурс в Юлино прошлое... – мечтательно сказала Вершинина.

– Вы считаете, что она избрала для самоутверждения не работу, а амурные эскапады?

– Именно. И прихожу к заключению, что служба в налоговой инспекции здесь ни при чем.

– Наверное, вы правы. Даже если бы кто-то имел зуб на Козлову, стал бы он ждать четыре года, чтобы свести с ней счеты?

– О'кей. – Удовлетворенно произнесла Валандра и затушила сигарету.

– Старые любовники? – Алискер пристально посмотрел на Вершинину.

Ее лицо хранило полную невозмутимость.

– Думаешь, художник? – спросила она в свою очередь.

– Встретилась она с ним полтора года назад, порвала спустя десять месяцев, значит, больше полугода назад... – прикинул Мамедов. – Вы полагаете, месть?

– Из-за чего происходят убийства? Как ты сказал, мотивом может послужить желание отомстить, далее, обогатиться, потом – жажда власти, ненависть, ревность, стремление покарать неверного партнера или избавиться от соперника, аффект, недоразумение.

За что художник хотел отомстить Козловой? Любви, как я поняла, с его стороны, особой не было. Сексуального влечения я, конечно, не исключаю. Злоба из-за того, что его, мягко говоря, послали? – Вершинина неопределенно пожала плечами. – Злобе свойственно хлокотать...

– Но зачастую и таиться, накапливаться. – Алискер приподнял правую бровь.

– Это не тот случай. Не те сейчас времена, шекспировские страсти давно не в моде. Я не думаю, что вымогателем или попрошайкой движут сильные чувства. Чернышов – кажется, так зовут художника – не Яго и не Отелло! И потом, для чего ему тоже ждать не один месяц чтобы расправиться с Козловой? И еще один момент: стреляли, скорее всего, из винтовки с оптическим прицелом, снабженной глушителем. Сомневаюсь, чтобы наш «бедный» художник, клянчивший у Козловой деньги, смог приобрести ее и воспользоваться ею, – Вершинина снова закурила.

– А если он ее у кого-то позаимствовал?

– А как бы он объяснил это тому, у кого решил ее взять?

– А если он украл ее? – Алискер не сводил с Валандры своих черных глаз.

– Мы опять упрямся в мотив, – авторитетно сказала Вершинина, выпуская сизое, подернутое едкой сединой облачко дыма.

– А может, Козлова его на чем-то подловила?

– Например?

– Что, если он украл у нее какую-нибудь дорогую вещицу, а она грозила заявить на него или пожаловаться мужу?

– Возможно, но это означает, что она не до конца разорвала с ним.

– Юля могла соврать мужу.

– Хорошо. Чернышова со счетов сбрасывать нельзя, а потому седлай «Ниву» и дуй к нему.

– А если Козлов позвонит?

– Я сама дам ребятам задание. Действуй.

– Я позвоню, – без лишних слов Алискер направился к двери.

* * *

«Козлов не заставил себя долго ждать и позвонил часа через два, чтобы сообщить адреса и телефоны Юлиных подруг. Я сразу же вызвала к себе Толкушкина и Колю Антонова. Войдя, они опустили на стулья, стоявшие у стены слева от моего стола. „Прямо как ученики, ждущие объяснения трудной темы от учителя“, – подумала я.

– Нам поручено, – может быть, немного официально начала я, – найти убийцу Юлии Козловой. Вот адреса двух ее ближайших подруг. Нужно пообщаться с ними, разузнать побольше о Козловой: как проводила время, с кем общалась, увлечения, интересы и так далее. Этим у нас займется...

– Можно я? – Толкушкин, как примерный ученик, вытянул вперед руку.

– Валера, – с легкой улыбкой предупредила я его, – Козловой было тридцать восемь лет, ее подружки могут быть и моложе, но могут быть и старше ее.

– Неважно, – Толкушкин уже принял решение. – Козлова была видной дамочкой, надеюсь, что и подружки будут под стать ей.

– Ладно, уговорил, – я протянула ему листок с адресами.

Он взял его и сразу же принялся изучать.

– Теперь перейдем к сильному полу, – я повернула голову и посмотрела на Антонова. – Чернышовым – бывшим любовником Козловой – занимается Мамедов. Ты, Коля, займешься Симоновым, ты его наблюдал немного, адрес знаешь – тебе и карты в руки. Только здесь нужно акцентировать внимание не на Козловой, а на нем самом: как и на что он живет, чем занимается, побольше о его характере. Придется, наверное, заняться его ближайшим окружением. Кстати, Валера, – я посмотрела на Толкушкина, – закинь Миньковой и Бондаренко удочку насчет этих господ, я имею в виду Чернышова и Симонова.

Он согласно кивнул.

– Вопросы есть? – я перевела взгляд с Коли, сидевшего ближе ко мне, на Валеру, примостившегося на крайнем стуле.

– Нет, – нестройным дуэтом отозвались сыщики.

– Тогда по коням».

* * *

Солнце широкими сверкающими бликами полосовало вымытые стекла витрин. Тормозя у светофоров, Алискер с удовольствием разглядывал первую робкую зелень травы и распускающихся почек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.